

ОТ ПЕРЕДОНОВА ДО ШАРИКОВА

Несмотря на значительное по объему и разнообразное в жанровом отношении литературное наследие, имя Федора Сологуба, талантливого писателя "серебряного века", связывается у читателей с его вершинным произведением – романом "Мелкий бес". Его появлению предшествовала кропотливая творческая работа, длившаяся около десяти лет /1892-1902/, имевшая целью, по словам автора, "всё случайное возвести к необходимому" /7, с.20/. Однако появление романа в 1907 году отдельным изданием произвело эффект разорвавшейся бомбы, настолько глубоко писателю удалось проникнуть в психологию мещанина и художественно убедительно разоблачить её "сливну харю", спрятавшуюся под личиной внешней благонадежности и благопристойности. Сатирическую значимость и мастерство Сологуба современники сравнивали с Гоголем, Салтыковым-Щедриным, Чеховым. К 1913 году роман выдержал семь изданий и был переведен на девять европейских языков. Автору он принес всероссийскую известность.

Образ главного героя романа, учителя гимназии Ардалиона Борисыча Передонова, давший название социальному явлению "передоновщина", стал предметом оживленной дискуссии сразу же по выходу произведения. Одни /Ю.Стеклов, В.Боцяновский, В.Кранихфельд и др./ связывали возникновение подобного человеческого типа с особенностями социально-исторической ситуации, сложившейся после поражения народнического движения. Так, критик В.Боцяновский писал, что Передонов – это тип черноотенца, будущего карателя свободы. Другие же /Д.Шестов, А.Чеботаревская, А.Блок/ усматривали корни "передоновщины" в самой природе человека. Р.Иванов-Разумник отмечал: "Тем то и страшна для Ф.Сологуба жизнь, что она – мещанство и передоновщина сама по себе, что такое ее делает люди, делает человечество, эта миллионноголовая гидра пошлости. /.../ Передонов сошел с ума, передоновщина – осталась..." /5, с.17-18/.

Как справедливо отметил В.Ерофеев, роман о нелепости провинциальной жизни в России конца XIX века превращается в роман о нелепости жизни вообще /2, с.7/.

Сатира Сологуба направлена прежде всего на осмысление истоков дегуманизации человека и поисков путей преодоления его обезчеловечивания. Эта проблема является центральной в творчестве писателя. В рассказах "Дикий бес" /1904/, "Страна, где поцарил хвост"

/1906/, "Белая собака" /1903/ и др. мысль о пробуждении в человеческой душе звериного начала воплощена через мотив оборотничества, восходящий к фольклорной традиции. Жанровая форма /легенда, сказка, историческая новелла/, народно-поэтическое начало в построении образной системы /четкое и статичное разделение героев на положительных и отрицательных/, троекратные сюжетные повторения и т.д. дали возможность писателю раскрыть тему пробуждения бесовского и звериного в человеке в абстрактно-философском ключе.

Но в таких рассказах, как "Червяк" /1896/, "В толпе" /1907/, "Звериный быт" /1912/ и др., центр тяжести переносится в реальность, в ту социально-бытовую обстановку, которая разрушает нравственные устои человека.

Рассказ Сологуба "В толпе" идейно полемичен рассказу Л. Толстого "Ходынка" /1910/. Тема ходынской трагедии, объединяющая рассказы, осмыслена по-разному. У Толстого ребенка, олицетворяющего нравственную чистоту и будущее общества, задыхающиеся в давке люди спасают, передавая над головами из рук в руки. У Сологуба же, наоборот, невинные дети Дёша, Катя и Надя Удоевы умирают страшной, мучительной смертью среди озверевшей толпы. Образ бегущего по головам безумного рыжего парня, наступающего тяжелым сапогом на голову обессиленного ребенка, символизирует превращение человека в зверя. В животном мире существует закон спасения детёнышей, в человеческом же мире милосердие, по Сологубу, нет места. Формула выживания в аномальном мире, "выживает сильнейший", становится нравственной основой человеческого общества. У Толстого - освобождение духа, у Сологуба - пробуждение Зверя.

В ответ на замечания критики о пессимизме Сологуб говорил: "Вот вы, господа критики, нападаете на меня за то, что я будто бы не люблю жизнь. Любить без разбору вообще не стоит, - и жизнь можно любить только достойную любви. А вот эта жизнь, где не отличишь друга от врага, где люди издеваются друг над другом... - о, эта жизнь!" /4, с.407/.

В романе "Мелкий бес" с наибольшей полнотой выражено предчувствие одичания человека, победы в его сознании и поведении бесовского начала.

В Передонове сосредоточены все пороки, это своеобразный отрицательный полюс человеческой природы. Он низок, подл, морально и физически нечистоплотен, сластолюбив, лжив и отвратителен. Писатель дискредитирует своего героя по всем личностным параметрам.

Чем же автор объясняет возможность появления подобного феномена? Причин тому несколько. Они в равной степени важны и проистекают из соловубовской концепции мира и человека.

Во-первых, Передонов абсолютно бездарен. Эстетически он глух и слеп. А по мысли Сологуба, нравственно полноценным человек может быть лишь при условии высокой духовной культуры. Писатель, художник, музыкант — это люди-демиурги, личности, равные Богу в силу того, что они — Творцы. Люди искусства, творящие духовную действительность, способные силой таланта и мечты преобразовать внешний мир, как полагал Сологуб, ни в чем не уступают Богу, творящему реальную действительность. Передонов же не видит красоты и гармонии ни в женском теле /"Мысль о барышнях Рутиловых выдавила у него на губах поганое подобие улыбки" /7, с.57//, ни в окружающих его бытовых предметах /он с удовольствием рвал и пачкал обои в своей квартире/. В профессиональном отношении он также полностью развенчан /о его непригодности к преподаванию неоднократно подает рапорты директор гимназии Хрипач, его ненавидят и боятся ученики/.

Вторым фактором формирования характера Передонова является отсутствие полезного труда. В этом отношении автор "Медкого беса" переключается с сатирой Шедрина /"Господа Головлевы"/. Праздность губит человека. Этот шедринский тезис находит отражение и в романе Сологуба. Праздность и ее порождение — скука — царят в уездном городишке. Никто из персонажей романа не занимается хоть сколько-нибудь полезным делом. Отсутствие труда заменяется обилием веселья.

И, наконец, в-третьих, Передонов сосредоточил в себе все пороки цивилизации, которая в художественной концепции Сологуба противопоставлена природе как естественному началу бытия. Как близость к природе, возвращение к "истинному лику" воспринимается частый у Сологуба мотив босых ног /в "Медком бесе" босиком бегают Владя Нартанович/, обнажение тела, воплощающее дионисийский культ телесной красоты /Людмила Рутилова и Сама Пыльников/. Передонов же боится природы, в шуме сада или в ярком летнем солнце он подозревает скрытую угрозу.

Сологубу удалось с большой художественной силой и выразительностью показать всю глубину нравственной пустоты мещанского сознания и социальную опасность "передоновщины".

Оптимизм Горького, идейного противника Сологуба, боготворившего человека, верившего, что с изменением социальных условий изменится строй души человеческой и исчезнет порочная сторона людской природы, не оправдался. Сологуб в толковании данной проблемы при-

ближался к Достоевскому и Чехову, считая, что только путем нравственной эволюции, через приобщение к культурным ценностям и напряженную работу по совершенствованию себя можно изменить человеческую природу и достигнуть общественной гармонии.

Несмотря на то, что буржуазное общество было разрушено и началось строительство нового общества, казалось бы, на основах подлинного гуманизма, темное и дикое в человеке проявилось с ещё большей силой. Горькая правота Сологуба подтвердилась в начале 1920-х годов. Вдумчивый и пронзительный писатель Е.Замятин отмечал: "Умирает человек. Гордый *homo erectus* становится на четвереньки, обрастает клыками и шерстью, в человеке - побеждает Зверь. Возвращается дикое средневековье, стремительно падает ценность человеческой жизни... Нельзя больше молчать. Время крикнуть: человек человеку - брат!" /3, с.345/. А несколько позднее, в 1924 г., он с грустью констатирует: "...Передонов обречен бессмертьем, обречен вечно бродить по свету, писать доносы и "всех значительных в городе лиц уверять в своей благонадежности"". И далее: "За цветами нужно ухаживать, чтобы они росли; плесень растет повсюду сама. Мещанин - как плесень. Одно мгновение казалось, что он дотла сожжен революцией, но вот он уже снова, ухмыляясь, вылезает из-под теплого еще пепла - трусливый, ограниченный, тупой, самоуверенный, всезнающий. И нужно, чтобы над ним снова просвистел бич сатиры, нужен новый "Мелкий бес"" /3, с.257-258/.

В какой-то степени таким сатирическим "откликом" явилась повесть М.Булгакова "Собачье сердце" /1925/. Не ставя перед собой задачи сопоставительного анализа произведений Сологуба и Булгакова, остановимся лишь на выявлении общих черт их главных героев.

На наш взгляд, булгаковский Шариков - это Передонов после революции. Превращение "хорошей" собаки в "плохого" человека позволяет Булгакову показать деформации человека и общества в исторической проекции. Писатель приходит к неутешительному выводу о том, что в нравственном отношении человек стал хуже животного. А через мотив очеловечивания животного Булгакову удается показать пробуждение неуправляемого и страшного в своей разрушительной силе звериного начала в человеке и в обществе. Свобода, понимаемая как вседозволенность, приводит к трагическим результатам на уровне отдельной личности и к катастрофе на уровне общества в целом - этот вывод роднит этические концепции обоих писателей. Невозможно преодолеть дурные привычки чугунокных иначе, чем путем духовной эволюции. Шариковщина - это абсурдная общественная система, которая способству-

ет пробуждению низменных инстинктов в человеке, это торжество глупости над разумом.

Мир в романе "Мелкий бес" страшен, жесток и абсурден. В произведении нет ни одного положительного лица. Мерзостно-низкое, животное, грязное проступает в обитателях сологубовского города. С каким-то неистовым сладострастием творят герои романа мелкие пакости, распространяют недобрые слухи. Эта низменность и дикая враждебность друг к другу достигают высшей точки в сцене маскарада, приобретающей символическое звучание. Образ толпы, бессмысленно жестокой, дикой, неуправляемой, реализуется в данном эпизоде романа. "Лик зверя" вырывается наружу у внешне благопристойных горожан, когда зависть и злоба находят себе жертву — переодетого гейшей Сашу Пыльникову. Постине мир Сологуба — это сатирически-гротескный мир абсурда. Е. Б. Тагер отмечал: "Сологуб первый в мировой литературе и с огромной силой поднял тему абсурдности бытия, задолго до того, как заговорили об абсурде теоретики и художники западноевропейского модернизма" /6, с.236/.

Таким же олицетворением дикости является в повести М. Булгакова Шариков. Характерно, что и Передонов, и Шариков сочетают в себе трусость с агрессивностью и деспотизмом. Последнее качество находит опору в социальной среде, окружающей их. Более того, чем недобрее и наглее они ведут себя в обществе, тем большим уважением, смешанным со страхом и подобострастием, пользуются. В данном случае раскрывается еще один печальный вывод Сологуба, развернутый и подтвержденный Булгаковым, — толпе нужен кумир, и она готова слепо идти за ним. Моральные, человеческие же качества лидера не так уж важны. Главное, чтобы он оказался достаточно сильным и мог подавлять волю других. Поэтому особенную общественную опасность представляет тип Передонова-Шарикова. В отличие от мещан Маяковского или Зощенко, тихо прозябавших в своих теплых углах, антигерои Сологуба и Булгакова наделены властью.

Сумасшедший Передонов мысленно уже видит себя инспектором, перед которым все трепещут и низко склоняются. И он, смакуя, представляет, как "покажет себя". Булгаковский Шариков идет еще дальше: вооруженный трескучей "идеиной фризой" и уверенный в собственной безнаказанности, он готов истребить даже своего "творца" — профессора Преображенского.

Разрешение конфликта у Сологуба проистекает. Передонов по-падает в сумасшедший дом после убийства им ни в чем не повинного

Володина, но, как мы узнаем из "Творимой легенды", это пошло на пользу его карьере. Каким-то чудом освободившись из психиатрической лечебницы, он проявил себя в жестоком подавлении бунта, за что получил пост не только инспектора, но даже выше - стал вице-губернатором. Абсурдность подобной ситуации усиливает сатирическое звучание "Мелкого беса". У Булгакова же конфликт разрешается более благополучно: плохой человек Шариков детрансформируется в хорошего пса Шарика. Однако художественное предвосхищение в "Мелком бесе" будущих шариковых печально подтвердилось.

Таким образом, в образе Шарикова нашел логическое продолжение опасный и страшный социальный феномен, получивший название "передоношники". Творческая преемственность между Сологубом и Булгаковым, их ориентация на сатирические традиции реалистической русской литературы, использование приема "реальной фантастики" /термин Ю.Манна/ для глубинного постижения сущности явления и его зримого саморазоблачения позволили выявить внутреннюю связь между антигероями "Мелкого беса" и "Собачьего сердца" как разновидностями одного нравственно-психологического типа. Оба писателя с тревогой предупреждали об агрессивности социального хамства, о неизбежных бедах, обрушивавшихся на общество, где побеждает темное, неуправляемое, злое "я" в человеке при условии ослабления духовной власти.

Л и т е р а т у р а

1. Булгаков М.А. Собачье сердце //Булгаков М.А. Собр. соч. в 5 т. - М., 1989. - Т.2. - С.119 - 211.
2. Ерофеев В. Тревожные уроки "Мелкого беса" //Сологуб Ф. Мелкий бес. Рассказы. - М., 1989. - С.3 - 16.
3. Замятин Е.И. Избр. произв. в 2 т. - М., 1990. - Т.2. - С.344 - 360.
4. Орлов В. Избр. работы в 2 т. - Л., 1982. - Т.1. - С.400 - 438.
5. О Федоре Сологубе. Критика. Статьи и заметки. - СПб, 1911.
6. Русская литература конца XIX - начала XX века. 1908-1917. - М., 1972. - С.230 - 238.
7. Сологуб Ф. Мелкий бес. - М., 1988.